

Политико-психологические перемены в рабочей среде в 1917-1922 гг.

(Элементарность, быстрота, иррациональность)

ПЕРЕПАДЫ настроения у рабочих в 1917-1922 гг. повсеместно отмечались современниками. И все они, едва касаясь данного вопроса, единодушно отмечали элементарность причин этих колебаний. Главная из них - отсутствие хлеба. "Настроение в массах крайне неопределенное: из-за голода народ как волны", - так образно обозначил характер психологических перемен Северо-Стрельский комитет РКП(б), Никольского у., Северо-Двинской губ.¹ И это "волнообразное" действие было тогда видно многим. "Политическое положение в губернии всецело связано с продовольственным вопросом, и как только голод начинает обостряться, население высказывает скрытое и открытое недовольство", - это донесение о положении в Новгородской губернии в первой половине января 1919 г.² повторено в сотнях других сообщений из разных мест - и в годы гражданской войны, и в эпоху НЭПа. Примитивность поводов для изменения политической позиции рабочих прежде всего оттенялось информаторами тех лет. Их донесения нередко цитировались и в позднейшие годы, причем исследователи, анализировавшие донесения, зачастую не обращали внимания на то, сколь противоречили они традиционным представлениям о рабочих как о самом передовом и стойком борце за социализм. "Настроение массы поправилось по получении 8 фунтов муки",³ "Настроение среди рабочих острое, ввиду того, что низкий заработок и паек";⁴ "не было недовольных голосов отдельных лиц, как на собраниях до отпуска. Видно, что все отдохнули и подкрепили силы, а главное - удовлетворили до некоторой степени свои продовольственные нужды";⁵ "наблюдается обывательское брюзжание и не вполне лояльное отношение на почве продовольственного кризиса и других до некоторой степени шкурных вопросов"⁶ - подобного рода простые и незатейливые донесения, простоудушно указывающие на причину отсутствия или присутствия "политической сознательности" у рабочих, можно приводить довольно долго. Ими во множестве пестрят политико-психологические материалы 1917-1923 гг.

В сущности мы даже плохо знаем, какова степень политизации рабочих в эти годы, говорили ли они о "верхах" или ограничивались протестами против местной администрации. С какой-то долей уверенности в том, что политические мотивы играли некую роль, мы можем говорить лишь ввиду прямых указаний источников на этот счет. В первую очередь отметим характерные психологические перепады,

Яров Сергей Викторович - кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник С.-Петербургского филиала Института российской истории РАН.

вызванные известиями с фронтов. Собственно, и здесь политическое проявлялось не слишком отчетливо. В ряде случаев политическую реакцию рабочих определяла боязнь за судьбу родных и близких, мобилизованных в ряды Красной Армии. Об этом, например, сообщалось в материалах по истории Большевишерского стекольного завода в 1917-1921 гг.⁷ Пристальное внимание ко всему, происходившему на войне, во многом предreshалось и тем, что она однозначно воспринималась как основная причина всеобщей нищеты и голода. В этом отношении примечателен доклад организатора коллектива РКП(б) Ириновской железной дороги о работе в январе 1920 г.: "В связи с победами на всех фронтах настроение массы заметно переменилось, все интересуются ходом событий и высказывают даже радость, что после таких побед будет заключен мир и можно будет приняться [жить] мирной жизнью".⁸

В чем-то схожи с этим и настроения, возникшие в рабочей среде после получения известий о созыве Генуэзской конференции в 1922 г. Когда читаешь документы, повествующие о массовых откликах на это событие, замечаешь, что в них также очень мало политического. Рабочих не очень волнует то, что Генуя знаменовала собой определенный политический успех большевиков и в какой-то мере укрепляла их власть. (Обо всем этом долго тогда писали газеты. Но рабочие по преимуществу молчат.) Зато обнаруживаешь немало свидетельств об ожидании лучшей жизни, начало которой (не без влияния пропаганды) многие связывали именно с экономическим совещанием в Генуе. Влияет Генуэзская конференция... Рабочие с большим вниманием следят из газет за ходом таковой и все ждут хороших результатов, а в особенности заключения хороших договоров с иностранными государствами", - такое сообщение о настроениях рабочих Северо-Западных железных дорог в 1922 г.⁹ подтверждается и многими документами. В связи с этим отметим одно специфическое явление. Рабочие, реагируя на политические акции, прежде всего выделяют в них чисто бытовые или экономические аспекты. Потому успех агитаторов в значительной мере зависел от того, смогут ли они изменения политической ситуации по стране в целом увязать с возможностями увеличения хлебного пайка рабочим какой-либо отдельной фабрики и завода. Поддержка политических действий, таким образом, однозначно имеет экономическую подоплеку.

Но, подчеркнем это, не всегда быстрая политическая (или, вернее, политизированная) реакция рабочей среды была мотивированной. Зачастую можно наблюдать реагирование, как будто лишённое логических оснований. Отметим и такое влияние: неустойчивость власти, пусть непосредственно и не отразившаяся какими-то своими сторонами на труде и быте рабочих, сама по себе, подспудно, влияла на их политическое самочувствие. Иногда ощущение анархии и разброда в "верхах", даже не сопровождаемое ухудшением материального положения рабочего, способствовало созданию оппозиционного настроения. Наоборот, упрочнение большевистской власти, даже не влекшее за собой "материальных" улучшений, быстро меняло вектор рабочей поддержки. "С укреплением центральной власти пропадали страхи масс и вновь со стороны замечается сочувствие происходившим событиям", - так, например, обозначено это явление в докладе комиссара Обуховского завода А. Антонова.¹⁰ И это, несмотря на все те "трудности",

которые были присущи первым послереволюционным месяцам: нехватка топлива, простои, невыплата заработной платы.

Данный психологический феномен отчасти объясним "коллективистскими" механизмами поведения рабочих, а в еще большей степени - своеобразной психологической неустойчивостью общества, весьма характерной для времени социальных разломов и революций. Мгновенная эйфория, казалось бы, иррациональная по своей сути, сразу охватывает рабочих, например, после получения известий о разгроме мятежей и поражении антиправительственных войск. И это наблюдалось нередко там, где за несколько дней до этого бастовали или принимали резолюции, предложенные социалистами. Граждане голодающих местностей, привлеченные к участию в большевистской праздничной манифестации, тут же высказывают свое одобрение - и проведению праздника, и в целом политике проводимых властей. Конечно, возникало это не везде, но обнаруживалось довольно часто. Поэтому нельзя считать это несущественным.

Таким образом, можно обнаружить иногда отчетливо, (иногда по косвенным свидетельствам) три характерные приметы психологических перепадов настроения у рабочих: элементарность, быстроту и иррациональность. И в элементарности, и в быстроте психологических перепадов нетрудно, однако, увидеть проявления одной из ипостасей пресловутой политической апатии. Они возникают, несомненно, ввиду отсутствия стержневых основ политического поведения: идеологической ориентации (хотя бы и примитивной), включенности в определенную политическую группу, оперирования распространенными политизированными клише. Эти факторы стабилизации политических взглядов - специфический "противовес" слишком поспешным и легковесным политическим переходам. Но они не сказывались на поступках основной массы рабочих в силу разных причин и обстоятельств.

Разумеется, об "элементарности" политических оценок мы судим преимущественно по словам информаторов. Нетрудно предположить, что они были не обо всем осведомлены. К тому же осведомление в условиях политического контроля таило для инакомыслящих несомненную опасность, и информаторы во многих случаях не были склонны делиться своими суждениями с представителями властей. Однако, как правило, донесения повествуют прежде всего о массовой реакции в рабочей среде. Индивидуальные чувствования информаторов мало беспокоили и отмечались преимущественно тогда, когда допускался публичный политический выпад, могший поколебать настроения рабочих. При таких условиях мы должны признать, что их показания отличаются достаточной надежностью: они не различали отдельных лиц рабочих, но чувствовали движение массы в целом. Не имея возможности судить об элементарности политических поступков того или иного рабочего, могли наблюдать элементарность массовых психологических перемен.

Быстрота, элементарность, массовость - это, несомненно, соотнесенные психологические категории. В массовой среде ослабевает индивидуальная сопротивляемость рабочего, не только "внешняя", вызванная боязнью подвергнуться осуждению со стороны тех, кто работает бок о бок, но и "внутренняя", психологическая. Человек, не обладая достаточно глубоким интеллектуальным сопротивлением, сначала ориентируется на позицию других, а затем и начинает думать, "как все". И

это при том, что исповедуемые им взгляды уже кажутся ему не привнесенными извне, но следствием его внутренней убежденности. Этот описанный еще Э.Фроммом механизм “автоматического конформизма”¹¹ можно увидеть, анализируя психологические процессы в российской рабочей среде первой четверти XX в.

Сложнее выяснить истоки психологической алогичности (кажущейся или подлинной) в политических поступках рабочих. Найти рациональное объяснение таких поступков довольно сложно. Но, как заметил Э.Фромм, “рационализация может и противоречить фактам или законам логики, но часто она вполне разумна и логична; в этом случае ее иррациональность заключается только в том, что она не является подлинным мотивом действия, а лишь выдает себя за такой мотив”.¹² Соотнесение себя с лагерем победителей и причисление к последнему (и, наоборот, стремление отмежеваться от проигравших) расценивались рабочими прежде всего как элементы повышения либо понижения своего социального статуса. За этим они пристально следили. Подмеченная многими историками идентичность рабочих, отнесение ими себя именно к пролетарскому классу определялись не только специфическим “классовым сознанием”. Во многих случаях оно предreshалось и тем, что рабочие в социальной советской иерархии 1917-1923 гг. (да и позднее) обладали, хотя и формально, несомненно, высшим статусом по сравнению с другими слоями населения. Эти обстоятельства, бесспорно, должны быть учтены при исследовании политической иррациональности рабочих. Отметим и еще один фактор. Рабочий обычно ориентировался на стереотипы поведения, в основу которых был положен принцип иерархичности. Эти стереотипы могли ослабляться или усиливаться в зависимости от социальных и политических условий. Но они не могли полностью исчезнуть: они постоянно репродуцировались и традиционно диктовали коды “пролетарского” поведения.

Механика внутреннего “производственного” подчинения, в силу идеологизации рабочих коллективов (особенно усиливавшейся в 1922-1923 гг.), стала и механизмом политического подчинения. Рабочий был насильно включен в политический процесс. Он должен был голосовать за коллективную фабрично-заводскую резолюцию не потому, что одобрял ее, а потому, что это было одним из проявлений общей дисциплины - трудовой и политической, - в которой оказались неразличимыми две её составные части. Методы трудового и политического контроля совпадали, градация наказаний за несанкционированные отклонения от предложенного рабочим канонического образца зачастую копировала прежние приемы взысканий с рабочих за производственные “огрехи”.

Отметим и эмоциональную основу поступков рабочих, все-таки неполностью свободных от прагматических и иных влияний. Частые смены настроений, эйфория и уныние, не только уступающие место друг другу, но и соседствующие рядом, - все это было знаменем времени. Психологические перепады являлись параллелью тех политических “толчков” (правительственных кризисов, восстаний, погромов, митинговых баталий, расстрелов манифестаций и массовых арестов), в условиях которых развивалось российское общество и после февраля, и после октября 1917 г.

Примечания

1. Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. Ноябрь-декабрь 1918 г. Сборник документов. М., 1970. С. 207.
2. ЦГА СПб, ф. 142, оп. 8, д. 77, л. 49 об.
3. Протокол собрания организаторов коллективов РКП(б) Василеостровского района 9 января 1919 г. // ЦГАИПД, ф. 4, оп. 1, д. 284, л. 1.
4. Доклады с мест на собрании организаторов коллективов РКП(б) Петроградского района 18 августа 1920 г. // Там же, ф. 6, оп. 1, д. 1171, л. 54 об.
5. Сообщение о собрании рабочих 1-й ниточной фабрики 30 августа 1919 г. / Там же, ф. 2106, оп. 1, д. 145, л. 10.
6. Двухнедельная информационная сводка Петроградской районной транспортной чрезвычайной комиссии. Вторая половина сентября 1920 г. // Там же, ф. 5125, оп. 1, д. 8, л. 2-2 об.
7. Великий Красный Новгород: Политический историко-литературный сборник к пятилетней годовщине Великой Октябрьской революции. 1917-1922 гг. Новгород, 1922. С. 22.
8. ЦГАИПД, ф. 2106, оп. 1, д. 225, л. 5.
9. ЦГА СПб, ф. 8145, оп. 1, д. 18, л. 3 об.
10. Петроградский военно-революционный комитет: Документы и материалы. Т. 3. М., 1967. С. 126.
11. "Однако и он [человек] ощущает потребность иметь *собственное* мнение и поэтому забывает, что просто-напросто повторяет чье-то авторитетное утверждение; он верит, что пришел к определенному выводу на основании собственных размышлений, на самом же деле он просто усвоил мнение авторитета, сам того не заметив. Ему кажется, что у него были основания прийти к этому мнению, и он нам эти основания излагает; но, если проверить, окажется, что он вообще не смог бы сделать из них никакого вывода... Спросите рядового читателя газеты, что он подумает о такой-то политической проблеме, и он вам выдаст как "собственное" мнение более или менее точный пересказ прочитанного; но при этом - что для нас единственно важно - он верит, будто все, сказанное им, является результатом его собственных размышлений... Большинство людей убеждено, что если их не принуждает открыто какая-либо внешняя сила, то их решения - это их собственные решения, и если они чего-то хотят, то это их собственные желания. Такое представление о себе - одна из величайших наших иллюзий. На самом деле значительная часть наших желаний фактически навязана нам со стороны. Нам удастся убедить себя, что это мы приняли решение, в то время как на самом деле мы подстраиваемся под желания окружающих, гонимые страхом изоляции или даже более серьезных опасностей, угрожающих нашей жизни". Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. С. 163, 168, 169.
12. Там же. С. 345.